

Как искренне вдыхает человек
пот тонкорунных, временных акаций,
когда, тридцатилетен, робок, пег,
идёт к прудам водою надышаться.

Когда осознаёт, что он разбит
лебяжьим небом, говором синичьим,
и всё, что он неслышимо хранит,
вторично, одинаково, вторично.

Вот он дрожал, вот обнимаем был,
вот тёр лопатки синим полотенцем.
Всё ждал, и ждал, и жаждал что есть сил
какого-то нездешнего сюжетца.

Какого-то прохладного огня,
какого-то необщего рисунка.
Но не нашёл и вышел, полупьян
от августа, с собакой на прогулку.

Пойдёт ли он за чипсами в «Фасоль»?
возьмёт ли овощей (морковь, горошек)?
Он чувствует, что вымышлен и зол,
но ничего почувствовать не может.

Как искренне не жалко никого.
Купить ли замороженную клюкву?
Идёт домой простое существо,
бестрепетно привязанное к буквам.

ХВОЯ

Я вот всё думаю: сосны ли солнце казнят?
кровь или краска дрожит на зелёных заборах?
Матушка-хвоя, возьми моё тело назад,
плечи укутай в коричневый шелест и шорох.

Эллином дивным воспрянь над моей пустотой,
слизывай глину с ногтей одичавших пожариц...
Кем бы ты ни был, деревья придут за тобой.
Что, кроме плоти, ты нежному лесу подаришь?

Бронза и уксус, художники и корабли...
все исчезают, хотя заслужили иное.
Я вот всё думаю — долго ли, коротко ли.
Не отвечает медовая матушка-хвоя.

ВОЗДУХ

Одуванчик зрит чудесное:
нос шершавого щенка.
Поперхнусь, вернусь, исчезну ли
неизвестно лишь пока.
Над прудами ветер бесится.
— Видел утку? фью да фьить!
Одуванчик просит: «Месяц, а?
Дал бы небо поносить?»

Или облако?! Я маленький.
Как ничтожному прожить.
Ни крыльца, ни умывальника —
не до жиру через «жи».
Месяц пьёт и пьёт без просыха,
не ответит малышне.
Одуванчик равен воздуху,
раме, маме, Миле, мне.

БОЛЬНИЦА

И куда подевался халат?
Столько страсти таит шоколад,
когда ешь его в чистой палате.
От уколов язык суховат,
время стелет кроссвордами ад.
Никакого ротфронта не хватит.

Минералкою бредит стакан.
В коридоре шумит океан.
Простынь пахнет мукой и бульоном.
Если долго смотреть в потолок,
то увидишь весны локоток
в виде тени, в окне преломлённой.

Может, завтра отпустят домой.
Может, горе утихнет само.
Может, ноги найдут подоконник.
И когда — полуслаб, полусед —
за стеной завершается дед,
ты стараешься сладкое вспомнить.

МОРСКАЯ ФИГУРА

Сонечка вышла за Колю-слесаря.
Хоть и еврей, говорит — болгарин.
А у Натальи Фалесовны —
сына арестовали.

Чего арестовывать, воет Наталья.
Он коммунист, у него медали.

Жили как жили, в общем-то не игристо.
Сняли колечко — купили риса.

Никакой он, граждане, не кулак.
За что его — так?

Граждане молча слушают.
Врёт она всё, заслуживает.
Маслят Наталью оливками глаз.
Море волнуется.
Раз.

ВИНОГРАД

вот мы стоим на каменном мосту
солёной виноградиной во рту
куда ни глядь чернильная водица

на волосах краситель а в ногах
мешается мускатное и страх
и некому с дежурства возвратиться

здесь столько места столько ерунды
мы можем заговаривать цветы
касаться тела обнимать заборчик

язык прохладен разум пустоват
и кажется приносит виноград
спокойный древнегреческий уборщик

здесь можно бывших жен упоминать
считать веснушки кожу омывать
и можно над водой играть в гляделки

а если кто-то в воду упадёт
то ничего то смерть его найдёт
она идет она уже несёт
домашнее печенье на тарелке